

Засодимский Павел Владимирович

**Дедушкины рассказы и
сказки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Владимирович З.**
Дедушкины рассказы и сказки / Засодимский Павел Владимирович – М.:
Книга по Требованию, 2026. – 295 с.

ISBN 978-5-519-85832-8

Содержание Милочка; В майский день; В подвале; Ужасное несчастье.
Из воспоминаний рабочего муравья; Бено. Из старинных преданий; Ринальд-
дово счастье

ISBN 978-5-519-85832-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

М и л о ч к а.

П о в ѣ с т ь .

I.

Важное извѣстіе застаетъ Милочку
враеплохъ.

Н ебольшой поросенокъ—бѣлый, съ темными пятнами—лежалъ въ тѣни подъ березой, у крыльца, а Милочка, опустившись на колѣни, сидѣла съ нимъ рядомъ и дружески обнимала его за шею. Милочка гладила его, ласково приговаривала: «Вася мой! Васенька!» и иногда дергала его за уши.

Когда золотистый солнечный лучъ, пробившись изъ-за листвы, падалъ на «Ваську», его нѣжныя розовыя уши такъ заманчиво просвѣчивали, что дѣвчкѣ какъ-то невольно хотѣлось

потеребить ихъ. Поросенокъ, повидимому, уже привыкъ къ такимъ ласкамъ и покорно принималъ ихъ, какъ должное и неминуемое. Онъ лежалъ, растянувшись, уткнувъ въ траву свою продолговатую мордочку, и полузакрытыми глазами лѣнливо посматривалъ на Милочку.

— Васькѣ хорошо! Васька развалился... нѣжится!—говорила дѣвочка, почесывая поросенку за ухомъ, какъ обыкновенно чешутъ кошекъ.

Васькѣ, конечно, было хорошо, да и Милочкѣ недурно... Майское солнце сильно припекало съ голубого, безоблачнаго неба, а здѣсь, подъ березой,—тѣнь и прохлада, и лишь небесная лазурь сквозить изъ-за вѣтвей тамъ и сямъ...

На вопросъ: кто въ ту минуту былъ чище—поросенокъ ли, сльнувшій обыкновенно за самое грязное животное, или барышня?—отвѣчать можно было легко и совершенно безошибочно... Поросенокъ былъ совсѣмъ чистенькій и съ такимъ же правомъ, какъ теперь подъ березой, могъ лежать и въ гостиной на коврѣ. Ну, а барышня, по сравненію съ поросенкомъ,—надо ужъ правду сказать,—была настоящей замарашкой.

Ея ботинки, чулки, передникъ, руки были замазаны землей; въ темныхъ волосахъ ея набились какіе-то зеленые листочки, желтые сухіе стебельки, какой-то соръ... И—что всего замѣчательнѣе—даже кончикъ ея маленькаго носа былъ замаранъ въ черноземъ, такъ что иной не-

догадливый человѣкъ, пожалуй, могъ бы подумать, что эта дѣвица носомъ землю рыла,—предположеніе, разумѣется, маловѣроятное...

Но если бы меня спросили, кто изъ нихъ былъ красивѣе — барышня ли замарашка, или этотъ чистенькій поросенокъ, то я долженъ былъ бы сознаться, что барышня, на мой взглядъ, была красивѣе своего четвероногого пріятеля, хотя и тотъ со своей милой мордочкой и съ розовыми, просвѣчивающими ушками, можетъ-быть, со свинячьей точки зрѣнія долженъ былъ казаться замѣчательно красивымъ созданіемъ.

У Милочки были большіе и блестящіе, темно-каріе глаза; были мягкіе, шелковистые, темные волосы, на щекахъ — горячій, густой румянецъ. Милочка для десяти лѣтъ была довольно высокаго роста, стройна и граціозна. У поросенка глаза были хотя также темные, но маленькіе, узенькіе; шерсть — грубая, жесткая; румянецъ его, разумѣется, не походилъ на Милочкинъ, и съ нашей—съ людскою—точки зрѣнія онъ былъ, если хотите, милъ, смѣшонъ, но неуклюжъ и ужъ вовсе не граціозенъ...

Въ ту минуту, какъ Милочка занималась съ поросенкомъ и вообще такъ пріятно, хотя и безъ особенной пользы, проводила время, послышался стукъ колесъ, и вскорѣ въ воротахъ показалась пара старыхъ, поджарыхъ, сѣрыхъ лошадей, по-видимому, едва переставлявшихъ ноги, за ними—

небольшая, старомодная коляска, и на козлахъ ея—высокій, широкоплечій старикъ съ большой сѣдой бородой и въ заправской, хотя довольно потертой, кучерской шляпѣ. Распрягши лошадей и поставивъ ихъ подъ навѣсъ сарая, кучеръ медленно направился къ крыльцу барскаго дома. Милочка съ большимъ интересомъ слѣдила за этимъ явленіемъ, а поросенокъ своими полузакрытыми глазками, казалось, на весь Божій міръ смотрѣлъ совершенно равнодушно.

— Здравствуйте, барышня! — заговорилъ кучеръ, снимая шляпу и кланяясь Милочкѣ.

— Здравствуйте!—отозвалась та, приподнимаясь и опираясь рукой на поросенка.

— Видно, не узнали меня, сударыня?—переступая съ ноги на ногу, продолжалъ кучеръ.—Помните, какъ я васъ по саду въ телѣжкѣ-то каталъ?

— Не помню... Развѣ это было когда-нибудь давно, когда я была еще маленькой.. —промолвила барышня, обдергивая свое короткое платье.— А васъ какъ зовутъ?

— Оомой!—отвѣтилъ старикъ, съ добродушной улыбкой поглядывая на дѣвочку.

— Оома!.. Не помню...—прошептала Милочка, качая головой и всматриваясь въ старика.

— Я кучеръ вашей бабушки, Евдокіи Александровны... Бабушка приказала вамъ кланяться, къ себѣ васъ въ гости зоветъ, лошадей за вами прислала... — докладывалъ Оома.

— Ахъ! А у меня еще въ огородѣ работа не кончена!..—вскричала Милочка.—Нужно садить горохъ, салатъ... цвѣты еще не всѣ пересажены! Работы еще много, много... А вы зачѣмъ, Оома, безъ шапки стоите?

— Нельзя намъ, барышня, передъ вами въ шапкѣ стоять... никакъ это невозможно! — поучительнымъ тономъ отвѣчалъ кучеръ. — Неучтиво-съ... вѣдь мы тоже кое-чему учены.

— Вѣдь вамъ солнышкомъ голову напечетъ... Нѣтъ, Оома, вы ужъ лучше надѣньте шляпу... Пожалуйста, Оома! — дергая поросенка за ухо, промолвила Милочка такъ настойчиво, что старикъ, наконецъ, долженъ былъ накрыть шляпой свою лысую голову.

— А вотъ и письмецо отъ бабушки — мамашѣ... Извольте получить!—сказалъ Оома, передавая барышнѣ письмо.

— Бабушка здорова? — спросила та, вертя письмо въ рукахъ.

— Ничего, слава Богу!.. Васъ въ гости ждутъ.

— Ужъ, право, не знаю... Я вотъ сейчасъ!—сказала Милочка и, быстро вскочивъ съ колѣнъ, побѣжала въ домъ.

Поросенокъ хрюкнулъ и лѣниво перевалился на другой бокъ.

А по дому уже раздавался звонкій, серебристый голосокъ: «Мама! Мама!»..

II.

Краткая исторія Милочки и ея родныхъ.

При крещеніи ей дали имя Людмилы. Всѣ ея родные и знакомые, няня Протасьевна и прислуга звали ее Милочкой, и это имя, какъ нельзя болѣе, шло къ ней. Она была не особенно красива, не настолько умна, чтобы звѣзды съ неба хватать; вообще она не поражала никакими талантами и особенными способностями: ни громадной памятью при заучиваніи басенъ и стиховъ, — а этимъ, какъ извѣстно, иногда очень гордятся дѣти, а еще болѣе ихъ родители, — ни остроуміемъ, ни находчивостью; но она была очень мила, безконечно мила, добра, искренна и откровенна. Мнѣ кажется, слова лжи и обмана еще ни разу не сходили съ ея языка.

Я съ удовольствіемъ приложилъ бы здѣсь ея портретъ, но, къ сожалѣнію, не успѣлъ во-время запастись ея фотографической карточкой. Впрочемъ, могу увѣрить, что на карточкѣ Милочка снята безъ поросенка, и для такого экстреннаго случая она была одѣта, какъ слѣдуетъ, какъ настоящая маленькая барышня: въ коричневомъ короткомъ платьѣ съ короткими рукавами и съ бѣлымъ воротничкомъ. На темные волосы ея мамаша даже повязала пунцовую ленточку, но на

карточкѣ, впрочемъ, ленточка не вышла у Милочки на головѣ, но очутилась въ рукахъ.

Дѣло въ томъ, что въ послѣднее мгновеніе, когда фотографъ уже собрался снимать, Милочка сдернула съ головы ленту и, оставаясь неподвижною, какъ статуя, еле шевеля губами прошептала:

— Мама! Зачѣмъ эта лента?.. Ея не нужно...

Вслѣдствіе такого-то неожиданнаго оборота дѣлъ ленточка очутилась у Милочки на колѣняхъ, а нѣсколько шелковистыхъ прядей ея темныхъ волосъ, сбитыхъ ея торопливымъ движеніемъ, рассыпались и свѣсились ей на лобъ.

Фотографъ положительно залюбовался на нее. Но Милочка осталась имъ недовольна за то, что онъ, указывая на нее, сказалъ ей матери:

— Я бы готовъ былъ каждый день снимать карточки съ такихъ прелестныхъ дѣтишекъ!..

— Мама, развѣ я дитя? Зачѣмъ же онъ такъ говоритъ?..—замѣтила Милочка матери, уходя съ нею изъ фотографіи.

Отецъ Милочки, Николай Михайловичъ Тевяшевъ, умеръ уже шесть лѣтъ тому назадъ, когда Милочкѣ минуло лишь четыре года. Милочка смутно помнитъ его,—очень смутно, но любить его память, потому что онъ былъ всегда очень добръ и ласковъ къ своей маленькой дѣвочкѣ. Она какъ будто видѣла во снѣ, что сиживала у отца на колѣняхъ, хватала его за бороду, а онъ

гладилъ ее по головѣ, нѣжно цѣловалъ ее и, цѣлуя, щекоталъ ей усами шею и щеки.

Послѣ смерти отца Милочка осталась съ матерью въ той же ея милой Березовкѣ, небольшоѣ усадьбѣ, гдѣ жила и при отцѣ. Мать ея, Катерина Васильевна, была женщина очень дѣятельная, работающая, и никакое дѣло не вываливалось у нея изъ рукъ. Она сама завѣдывала домашнимъ и полевымъ хозяйствомъ. вставала рано—зимой въ семь, а лѣтомъ въ пять часовъ, ложилась позже всѣхъ въ домѣ. Особенно лѣтомъ у нея было много работы; весь длинный лѣтній день она была въ ходѣбѣ,—присядеть, бывало, только за чаемъ да за обѣдомъ. Зато сосѣди и говорили, что у Катерины Васильевны хозяйство шло лучше, чѣмъ у любого мужчины. Зато Катеринѣ Васильевнѣ и некогда было обращать особеннаго вниманія на Милочку, и она очень жалѣла, что не успѣвала заняться съ дѣвочкой такъ, какъ бы ей хотѣлось.

Милочка умѣла хорошо читать и писать на родномъ языкѣ, знала первыя четыре правила ариѳметики, немного дробей,—и на томъ пока образованіе ея остановилось. Мать хотѣла подготовить ее и черезъ годъ или черезъ два отдать ее въ гимназію—во второй или третій классъ. А пока Милочка пользовалась полною свободой.

И замѣчательно, — Милочка умѣла такъ распорядиться, что время для нея шло не-

замѣтно, потому что всегда было чѣмъ-нибудь занято...

Иныя дѣвочки, какъ извѣстно, рѣшительно, не знаютъ, что дѣлать съ собой, когда съ ними не занимаются, и онѣ ужасно ноютъ и надоѣдаютъ взрослымъ своими приставаніями: «Мама, мнѣ скучно!.. Мама, что бы мнѣ дѣлать?.. Мама!»... и такъ далѣе, безъ конца.

Милочка не умѣла сидѣть безъ дѣла и не знала, что значить скучать.

Лѣтомъ работы у нея былъ полонъ ротъ. Она любила возиться въ огородѣ, — садила разные овощи, полола, поливала ихъ; въ саду устраивала себѣ бесѣдки, занималась посадкой молоденькихъ деревьевъ, со старыхъ деревьевъ обрѣзывала сушнякъ; чистила дорожки, возила съ рѣки желтый песокъ въ маленькой тачкѣ и насыпала имъ дорожки; кормила дворовыхъ собакъ, кошекъ, поросятъ, куръ, утокъ, гусей, кормила и дикихъ птицъ — воробьевъ, голубей.

Съ особенной же любовью Милочка работала въ цвѣтникѣ, — исправляла рабатки подъ наблюдениемъ матери, прибавляла чернозему, пересаживала цвѣты въ грунтъ, осторожно подвязывала ихъ мочалками къ колышкамъ, — сама и колышки строгала, — и вообще ухаживала за цвѣтами съ такою любовью, такъ нѣжно дотрогивалась до нихъ, какъ будто всѣ эти розы, жасмины, анютины глазки, душистый горошекъ, венерина ко-